

[г-жа Навозова]

ДЕТИ-ЧИТАТЕЛИ (1898)¹

Впервые опубликовано в: Воспитание и обучение. 1898. № 11, нояб. С. 419–425.

Дети — читатели представляют такое разнообразие и по выбору материала для чтения и по отношению к читаемому и к самому чтению, что едва ли где менее возможна систематизация и группировка по типам, как именно в этой массе детей-читателей. Не говоря уже о личных особенностях ребенка, об особенностях воспитывающей его среды, чуть не каждое случайное, мимолетное явление, с которым пришлось столкнуться ребенку, отражается на нем как читателе.

Вот, напр., мальчик-любитель французских романов. Он учится только еще во 2-м классе, когда обыкновенно знание языка очень невелико. А он с усердием, достойным лучшей доли, каждую удобную минуту отдает этому чтению, несмотря на его трудности, на необходимость заглядывать в словарь. Дело объясняется очень просто. За ним дома никто не смотрит, никому нет дела до того, читает ли он, что читает, как читает. Отец вечно занят, вечно спешить куда-то и развез только иногда, увидя своего сына за книгой, потреплет его мимоходом по щеке и скажет:

—Читаешь? Ну, читай, читай...

У матери тоже то дела, то гости, то надо же наконец и отдохнуть. Она устраивается поудобнее на кушетке и берется за новенькую желтенькую книжку. Вздумает мальчик спросить ее о чем-нибудь, подойдет к ней, скажет.

—Ну, хорошо, хорошо! После! Не мешай мне! прикончит мать разговор в самом начале.

И мальчик видит, как только что оживленное, веселое лицо его матери изменяется при этих словах, что он сделал ей неприятное, оторвав на минутку от книги. «Должно быть, думает он, — что-нибудь очень интересное попало ей». Он сам от своих учебников, от тех книжек, каких ему когда-то купили, готовь оторваться, когда угодно и насколько угодно времени. Что же она-то читает?

Он знает только одно, что мамины книги — французские и что сам он ничего не понимает в французской книге. Как же быть? Надо бы узнать получше, надо бы и ему добраться до этой интересной книги. И вот начинаются жалобы, что без особого учителя французского языка ему трудно учиться в училище, что надо бы брать отдельные уроки языка. Просьбы не имели успеха. Тогда начинаются новые просьбы — купить словарь. «Учитель велел, говорит на этот раз сын, — что мне колы-то получать!» И отец, которому давно уже надоели эти приставанья с французским языком, рад наконец отвязаться и дает сыну денег на покупку словаря. В тот же день мальчик обегал чуть не всех букинистов и, торгуясь елико возможно, купил не только словарь, но и самоучитель. Книги, правда, очень засаленные, в рваных переплетах, с каким-то дурными запахом... но что до этого! Они обернули словарь в бумагу, на случай, если отец увидит, но отец уже позабыл и о французском языке, и о словаре, и мальчик с такой энергией, какой у него еще не бывало до сих пор, засел за французский язык. По всем предметам он стал учиться хуже, и только учитель французского языка с каждым уроком все более и более был доволен им, и отметки мальчика по этому предмету все шли в гору, к великому удивлению остальных учителей. Пользуясь тем, что мать мало обращала на него внимания, он добрался уже до ее книг. Понимая из пятого в десятое, пропуская сплошные страницы и останавливаясь на коротких строчках разговоров, изредка прибегая к словарю, мальчики улавливали кое-как фабулу романа, испытывая какую-то особенную удовлетворенность и гордость собой. Что было бы дальше с мальчиком, когда он вошел бы во вкус самого содержания книги, трудно сказать, но одно событие круто изменило дело. Событие это было исключительным явлением в жизни мальчика: мать, быть может, впервые обратила внимание на занятия и внутреннюю жизнь своего сына и на некоторое время отдалась заботам о нем. Вызвал эту перемену случай. Мальчик, едва-едва плетшийся в училище, получил по французскому языку высший бал, написав заданную работу лучше всех в классе. Было решено пригласить мать, чтобы разъяснить это странное явление: кто подозревал постороннее участие в работе ученика, кто просто списывание... Явилась мать, испуганная, встревоженная. Она, оказалось, и не подозревала, что сын ее так хорошо учится по французскому языку, она и внимания не обращала на эту разницу в отметках по французскому языку и другим предметам.

— Конечно, списал! Где ему самому так придумать... Вы накажите его...

А дома начались расспросы. И мальчик в эти редкие для него минуты внимания к нему чистосердечно рассказал все. И для матери это были тоже редкие минуты. Быть может, впервые поняла она, что тут рядом с ней жил своей жизнью бедный ребенок, в семье, но одинокий и заброшенный, с отцом и матерью, но беспомощный и осиротелый. А она-то могла отгонять его, могла раздражаться на него за приставание... И быть может, захочет она повернуть своего сына на другую дорогу, дать другое направление его интересам, другое направление его настойчивости в преследовании цели. И это не трудно ей: ведь руки матери так сильны, что могут многое переделывать, и так нежны, что могут ничему не повредить, если только в ней вспыхнет деятельная любовь к своему ребенку.

А вот другая семья, другой и ребенок-читатель. За ним следит горячо любящая его мать. Она воспитывает в нем вкус к самым лучшим, самым благодетельным, по ее мнению, книгам, самые благородные, возвышенные мечты о будущем. И мальчик часто говорит о великих людях, об их подвигах, завидует им.

— Пустяки! Иной раз остановит его разговоры более легкомысленный товарищ. — Все равно, не быть ведь тебе ни Пушкинными, ни Суворовыми, ни Колумбом... Что тут и завидовать!

— Как не быть? Горячо прерывает мальчики, и густой румянец покрывает его щеки, глаза сверкают. — Захочу, и буду! Ты этого не понимаешь! Иной раз, как читаешь какое-нибудь путешествие, так точно сам где-нибудь в Америке или в Африке бродишь по непроходимым лесам, среди дикарей, и всяких опасностей...

— Ну, уж что тут хорошего! Голодай, мучайся... Да еще, того и гляди, съедят тебя, поджарят, как зайца...

— Эх, ты! Ты не знаешь, какие великие люди бывают! Что они испытывают, чтобы прославиться на весь свет...

Мальчик пользовался самым заботливым, по-видимому, воспитанием. Мать рано выучила его читать, с малых лет он заучивал басни, декламировал их при гостях, читал вслух, и его осыпали аплодисментами за выразительность чтения. Мать окружала его строго избранными книгами и заставила его полюбить чтение; чтением он наполнял каждую свободную от уроков минуту, читал вечером, в праздники, с неохотой отрываясь от книги, когда его звали обедать, пить чай... Учился он хорошо, особенно по географии и истории, сочинения писал гладко, складно. Все учителя были довольны его уверенными, быстрыми ответами, все признавали за ним великолепную память, большую начитанность. Но раз и относительно его сочинения явилось сомнение. Пригласили мать.

Но эта мать, все время направлявшая своего сына, заговорила совсем не так, как мать любителя французских романов.

— Что? вскрикнула она в ответ на вопрос учителя, вся вспыхнув от негодования. — Это Сашу-то моего вы подозреваете в списывании? Ха-ха-ха! Он списал! Он спросил у других! Да он у нас так много читал с самых малых лет, что ему ничего не стоит написать про какие-то приметы осени или весны, как там было...

Учитель не сразу нашелся, что ответить.

— Да знаете ли вы, господин учитель, продолжала возмущенная мать, — что это сочинение Саша написал в какой-нибудь час-полтора, не больше... Даже и не подумал над ним. Впрочем он и никогда не думает долго... Спросите его о чем хотите, и он моментально ответит вам так, как будто книга какая... да так кстати, так дельно и серьезно, что и взрослый не каждый сумеет...

— Я и об этом хотел с вами поговорить, начал опять учитель. — Я знаю, что он много читает, даже слишком много... Это может вредно отозваться на его здоровье, он может совсем расстроить себя!

Ответ не заставил себя долго ждать:

— Мы все живем, чтобы приносить посильную помощь ближнему, отечеству. И сына своего я готовлю для того же!

Откланялась дама и ушла. И взглянул учитель еще раз на сочинение Саши: все фальшь, все чужое, чужие слова, запомнившиеся целиком чужие фразы, заимствованные не продуманные чужие мысли, не прочувствованный впечатления. И ничего своего — ни мысли, ни чувства, ни ума, ни сердца. И не подозревала мать, какую горькую истину сказала она о своем сокровище: «Он и никогда не думает долго». Не только не думает он, но и не чувствует. Окруживши своего сына книжным миром, начиняя его хорошими, но преждевременными идеями и чувствами, усердная, охваченная самыми благими намерениями мать не подозревает, что она растит, быть может, будущее ничтожество и лицемере, что она создает красивую маску, под которой легко и удобно может укрыться бессодержательность и бессердечие.

Примечания

¹ Заметка эта составлена по записями г-жи Навозовой, наблюдавшей описанные здесь типы в своей школе (ред).